УДК 167.5
DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-3-723-729
EDN IJJYW

Философско-антропологическая реконструкция идеологии. Рецензия на книгу: Marius S. Ostrowski. Ideology. Cambridge ; Medford : Polity Press, 2022. 200 p.

Трунов А.А.
Белгородский университет кооперации, экономики и права
Россия, 308023, г. Белгород, ул. Садовая, д. 116а
trunovv2013@yandex.ru

Аннотация. Представлена аналитическая реконструкция концепции идеологии современного немецко-британского философа Мариуса Себастьяна Островски. Показано, что автор монографии переосмысливает идеологию как антропологически укорененную форму смыслового опосредования между субъектом и миром, а не как политический инструмент или «перевернутое сознание». Особое внимание уделяется морфологическому подходу, позволяющему анализировать идеологию как подвижную конфигурацию смыслов. Выявлены философско-антропологические основания концепции и ее продуктивность для анализа современных культурных трансформаций. Обозначены аспекты, требующие дальнейшей теоретической проработки: проблема «слепых зон» идеологии, вопрос о критериях различения идеологических конфигураций, специфика идеологических процессов в условиях алгоритмической модерности.

Ключевые слова: идеология, философская антропология, морфологический подход, культурная рационализация, идеологическая субъективность, поздняя модерность

Для цитирования: Трунов А.А. 2026. Философско-антропологическая реконструкция идеологии. Рецензия на книгу: Marius S. Ostrowski. Ideology. Cambridge ; Medford : Polity Press, 2022. 200 p. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право,* 51(3): 723–729. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-3-723-729 EDN: IJJYW

A Philosophical-Anthropological Reconstruction of Ideology. Review of the Book: Marius S. Ostrowski. Ideology. Cambridge ; Medford : Polity Press, 2022. 200 p.

Anatoly A. Trunov
Belgorod University of Cooperation, Economics and Law
116a Sadovaya St., Belgorod 308023, Russian Federation
trunovv2013@yandex.ru

Abstract. The review presents an analytical reconstruction of the concept of ideology developed by the contemporary German-British philosopher Marius Sebastian Ostrowski. It is shown that the author reconceptualizes ideology as an anthropologically grounded form of semantic mediation between subject and world, rather than as a political instrument or "false consciousness". Special attention is paid to the morphological approach, which enables the analysis of ideology as a fluid configuration of meanings. The philosophical-anthropological foundations of the concept and its productivity for analyzing contemporary cultural transformations are identified. The paper outlines areas requiring further theoretical development: the problem of ideology's "blind spots", the question of criteria for distinguishing between ideological configurations, and the specificity of ideological processes under conditions of algorithmic modernity.

© Трунов А.А., 2026

Keywords: ideology, philosophical anthropology, morphological approach, cultural rationalization, ideological subjectivity, late modernity

For citation: Trunov A.A. 2026. A Philosophical-Anthropological Reconstruction of Ideology. Review of the Book: Marius S. Ostrowski. Ideology. Cambridge ; Medford : Polity Press, 2022. 200 p. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(3): 723–729 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-3-723-729 EDN: IJJJYW

Монография немецко-британского мыслителя Мариуса Себастьяна Островски представляет собой один из наиболее теоретически выверенных вкладов в аналитическое исследование идеологии в современной философской мысли [Ostrowski, 2022]. В условиях поздней модерности и культурной фрагментации идеологии все чаще трактуются либо как «как фактор политического поведения на массовом уровне» [Малинова, 2025, с. 57], либо как «процессы, с помощью которых формируются, распространяются и принимаются убеждения и установки» [Buchanan, Levinson, 2024, с. 16], тогда как их фундаментальные измерения (философско-антропологическое и культурфилософское) оказываются вытесненными на периферию научного дискурса. Достаточно обратить внимание на характерную риторику общественно-политических дебатов, чтобы зафиксировать, что идеологии здесь фигурируют преимущественно как полемический маркер, обозначающий уязвимые позиции оппонентов. «Общей темой тех, кто использует этот термин в оценочном смысле, является то, что идеологии поддерживают несправедливые социальные порядки» [Buchanan, Levinson, 2024, с. 14]. Вследствие этого идеологии либо отождествляются с манипулятивными стратегиями достижения и удержания власти, либо объявляются «мертвыми» и якобы полностью вытесненными из публичного пространства. Между тем именно этот мнимый и многократно провозглашенный «конец идеологий» как раз и оказывается симптомом их наиболее эффективного функционирования [Lopes, 2015]. «Невидимость структуры» или запрет на «огосударствление» свидетельствуют не об отсутствии идеологий, а о степени их инкорпорированности в повседневную жизнь и систему материальных практик. Вследствие этого монография М. Островски может быть интерпретирована не просто как «очередной вклад» в развитие научного осмысления идеологии, но как симптом более общего теоретического сдвига в современной философской антропологии и философии культуры. Речь идет о возвращении идеологии в пространство фундаментального научного анализа, где она осмысливается не как глубоко вторичное политическое явление, производное от состояния экономики, а как базовая форма смысловой организации человеческого опыта. Тем самым М. Островски фактически переопределяет сам предмет научного осмысления идеологии, выводя его за пределы нормативных или оценочных интерпретаций.

Исходным пунктом концепции М. Островски является определение идеологии как «специфической комбинации и расположения идей» [Ostrowski, 2022, с. 15]. При этом сами идеи понимаются им как «абстрагированные или обобщенные репрезентации совокупностей перспектив, диспозиций, норм, практик, структур и систем» [Ostrowski, 2022, с. 15]. Для философской антропологии данный тезис имеет принципиальное значение, поскольку идеология у М. Островски предстает не как исторически преходящий и подлежащий устранению «рудимент» эпохи раннего или классического модерна, а как структурное условие человеческого бытия в окружающем мире.

Заметное место в этой и других работах М. Островски [Ostrowski, 2023, 2025] занимает морфологический подход, согласно которому именно способ комбинирования ядерных, периферийных и смежных концептов образует устойчивую и вместе с тем исторически изменчивую идеологическую форму. «То, как идеология комбинирует и располагает данный набор элементов, и составляет ее морфологию» [Ostrowski, 2022, с. 15]. Это позволяет отказаться от редукции идеологии к догматическим системам

прошлого и рассматривать ее как подвижную конфигурацию смыслов, адаптирующуюся к культурному контексту. Впрочем, здесь, на наш взгляд, обнаруживается и определенная теоретическая проблема. Дело в том, что морфологический подход, при всей его эвристической продуктивности, требует дополнительной и весьма изощренной работы по операционализации используемых концептов. Отсюда возникает закономерный вопрос: а не растворяется ли идеология в более широком поле культурных схем восприятия и действия? Если идеология – это именно «комбинация и расположение идей», то как быть с додискурсивными, аффективными или материальными измерениями идеологического? Конечно, эти вопросы не отменяют продуктивности рассматриваемого подхода, но указывают на специфические «зоны», требующие дальнейшей теоретической проработки.

Принципиально важно, что М. Островски намеренно дистанцируется от редукции идеологии к политике и от марксистского тезиса о ней как о «перевернутом сознании», которое маскирует «мысли господствующего класса» [Маркс, Энгельс, 1955, с. 25, 45]. Он прямо указывает, что отнюдь «не всякая группа идей автоматически образует идеологию» [Ostrowski, 2022, с. 38]. Тем самым вводится строгий аналитический критерий различения идеологических и неидеологических конфигураций смыслов.

Рабочее определение идеологии М. Островски формулируется следующим образом: «Идеология, или "изм", – это комбинация и расположение идей, которые определяют то, как мы понимаем реальность» [Ostrowski, 2022, с. 48]. Идеология предстает здесь как форма культурной рационализации опыта, неустранимая и по своей сути онтологически необходимая. Это определение сразу выводит анализ идеологии в предметное поле философской антропологии. Идеология выступает как форма смыслового посредничества между субъектом и окружающим миром, обеспечивающая возможность ориентации, интерпретации и совершения практических действий. Вместе с тем М. Островски не следует и по пути К. Манхейма, который пытался релятивизировать саму оппозицию истины и идеологии через проект социологии знания [Манхейм, 1994]. Если для К. Манхейма «любое политическое и историческое мышление необходимым образом обусловлено социально» [Манхейм, 1994, с. 108], то М. Островски настаивает на специфичности идеологической морфологии. Пожалуй, ближе всего его позиция к точке зрения П. Рикёра, который рассматривал идеологию как неустранимый медиум социальной интеграции и символической легитимации существующего порядка [Ricoeur, 1986]. Однако М. Островски идет дальше, распространяя идеологическую функцию не только на коллективное, но и на индивидуальное измерение человеческого опыта [Ostrowski, 2024], что, собственно, и сближает его концепцию с разрабатываемой нами философско-антропологической программой. Именно такое расширение антропологической оптики (от коллективного к индивидуальному, от социально-интегративной функции к экзистенциальной) делает концепцию М. Островски особенно продуктивной для анализа человеческого существования как такового. В данном пункте подход М. Островски обнаруживает отчетливое сходство с философско-антропологической позицией А. Гелена, согласно которой человек является принципиально незавершенным существом, вынужденным компенсировать свою биологическую и экзистенциальную недостаточность посредством культуры [Gehlen, 1988]. Культурные и символические формы (в том числе – идеологические) выступают у А. Гелена как стабилизирующие структуры смыслов, снимающие «перегрузку» человеческого существования и обеспечивающие возможность устойчивой ориентации в мире. В этом смысле идеология у М. Островски может быть интерпретирована как одна из специфических форм культурной компенсации той самой человеческой незавершенности, о которой писал А. Гелен.

Далее М. Островски фиксирует фундаментальный антропологический разрыв «между "сырой" или "чистой" реальностью и нашим пониманием этой реальности» [Ostrowski, 2022, с. 48]. Идеология в данной логике предстает как механизм смыслового преодоления этого разрыва.

Особую эвристическую роль играет метафора «идеологической линзы». М. Островски в этой связи отмечает, что идеология «приводит (определенные) феномены в фокус» [Ostrowski, 2022, с. 50]. Идеология тем самым структурирует внимание субъекта и формирует культурные режимы видимости. По сути, данная метафора позволяет описать идеологию как механизм селективного внимания и интерпретации эмпирических фактов, который не искажает реальность произвольно, а структурирует ее в соответствии с культурно закрепленными схемами человеческого восприятия. Идеология задает не только то, как субъект мыслит, но и то, что он склонен считать значимым, опасным или желанным.

Метафора «линзы» при всей ее эвристической полезности содержит существенное умолчание. Из школьного курса физики нам известно, что при прохождении через собирающую линзу параллельные световые лучи сходятся в фокусе, но из-за ограниченного размера линзы и явления дифракции часть солнечной энергии рассеивается за пределами фокальной области. Поэтому линза не только собирает солнечную энергию в фокус, но и неизбежно оставляет нечто за пределами нашей видимости. Отталкиваясь от этой концептуальной метафоры, можно заметить, что М. Островски фиксирует селективную функцию идеологии, но уделяет явно недостаточное внимание ее вытесняющей работе. Речь идет не просто о том, что идеология «высвечивает» одни аспекты реальности и «затемняет» другие, но о структурном производстве «слепых зон», то есть того, что в принципе не может быть артикулировано. Здесь уместно вспомнить традицию, восходящую к знаменитой топике Ж. Лакана, которая описывала идеологию именно как механизм символического вытеснения и замещения Реального посредством ориентации на Другого («нехватку субъект встречает в Другом, в том намеке, который подает Другой в своей речи» [Лакан, 2004. с. 228]). Вопрос заключается в том, можно ли помыслить эти «слепые зоны», находясь внутри идеологической позиции, или для этого требуется внешняя перспектива?

Важнейшим аспектом рассматриваемой концепции является анализ преобразующей функции идеологии. М. Островски справедливо подчеркивает, что идеология стремится «воспроизвести и закрепить преднамеренный порядок, который она накладывает на идеи, в самих феноменах, которые эти идеи представляют» [Ostrowski, 2022, с. 54]. Идеология функционирует не только как система идей, но и как инкорпорированная структура, формирующая привычки, аффекты и конкретные способы действия человека в мире.

Иерархия макро-, мезо- и микроидеологий позволяет рассматривать идеологическое пространство как многоуровневую структуру. М. Островски указывает, что эти уровни отражают «социальную иерархию между идеологическими формациями» [Ostrowski, 2022, с. 73], а не их предполагаемую истинность или ложность. Исходя из этого, М. Островски описывает существующее идеологическое пространство как многослойную культурную систему, в которой различные уровни смыслов не просто сосуществуют в неких «параллельных мирах», но и постоянно взаимодействуют друг с другом. С философско-культурной точки зрения данная модель адекватно отражает сложность современных плюралистических обществ, в которых, как правило, отсутствует единый идеологический центр. Эта «многослойность» приобретает особую остроту в условиях того, что можно назвать алгоритмической модерностью. Если ранее идеологические морфологии формировались в относительно стабильных институциональных средах (политические партии, общественные движения, дискурсивные сообщества), то алгоритмическая логика создает условия для непрерывной реконфигурации идеологических элементов в режиме реального времени. При этом неясно, сохраняет ли идеология в этих условиях свою структурирующую функцию, или же мы имеем дело с качественно новым режимом производства смыслов, требующим иного концептуального аппарата?

Философско-антропологическое измерение концепции М. Островски наиболее отчетливо проявляется в анализе индивидуальной психологии. Согласно представленной аргументации, современный индивид имеет «ряд разрозненных (и потенциально несоизмеримых) субъективностей» [Ostrowski, 2022, с. 136], из которых он вынужден конструировать собственную идентичность.

Особое внимание в монографии уделяется роли технологий как медиатора идеологических трансформаций. М. Островски отмечает, что «изменения в технологиях способствовали глубоким трансформациям» [Ostrowski, 2022, с. 75]. Технологические сдвиги здесь рассматриваются не как внешний фактор, воздействующий на идеологию извне, но как материальное условие самой возможности определенных идеологических морфологий. Например, печатный станок создал условия для развития как религиозного, так и светского мировоззрения; промышленная революция способствовала смысловому оформлению либерализма и марксизма; цифровые технологии порождают специфические формы идеологической субъективности, основанные на логике персонализации и непрерывной самопрезентации в сетях публичности.

Вместе с тем необходимо отметить, что концепция М. Островски, при всей ее аналитической мощи, оставляет открытым вопрос о возможности философской критики идеологических процессов. Например, если идеология мыслится как антропологическая константа, то есть как неустранимое условие человеческой ориентации в мире, то на каком основании может осуществляться различение между идеологиями? М. Островски последовательно избегает нормативных суждений, что, безусловно, методологически оправдано, но именно это как раз и создает теоретический вакуум. Философская критика конкретных идеологических конфигураций оказывается возможной лишь с позиции других идеологических конфигураций. Получается замкнутый круг. Возможно, выходом из него могла бы стать идея градаций идеологической рефлексивности. Однако эта линия у М. Островски остается неразвернутой, что, впрочем, могло и не входить в замысел исследования, ориентированного прежде всего на аналитическую, а не нормативную работу.

Дальнейшее развитие заложенной М. Островски исследовательской программы требует, на наш взгляд, концептуальной проработки следующих вопросов: 1) как возможна критическая рефлексия идеологии при признании ее антропологической неустранимости, 2) какова специфика идеологических морфологий в условиях цифрового капитализма, 3) существуют ли градации идеологической рефлексивности, позволяющие различать идеологические конфигурации без апелляции к внешнему критерию истинности?

В целом для современной философской антропологии и философии культуры рецензируемая монография обладает высокой теоретической ценностью. Концепция идеологии, разработанная М. Островски, позволяет мыслить идеологическое не как вторичное политическое явление или разновидность когнитивных искажений, а как неустранимое антропологическое условие человеческой ориентации в мире, где производятся культурные смыслы. Вместе с тем именно признание антропологической укорененности идеологии делает особенно актуальным вопрос о возможных градациях идеологической рефлексивности, то есть о способности тех или иных идеологических морфологий не только структурировать человеческий опыт, но и частично проблематизировать собственные онтологические основания.

В условиях алгоритмической модерности, характеризующейся ускоренной циркуляцией смыслов, фрагментацией идентичностей и персонализированным режимом символического посредничества, такая рефлексивность может стать одним из немногих ресурсов философского анализа, позволяющих избежать как наивного релятивизма, так и

появления неклассических версий метанарративов модерна. Именно в этом направлении, на наш взгляд, заложенная М. Островски исследовательская программа открывает перспективы дальнейшего развития. Причем не только как аналитическая теория идеологии, но и как философско-антропологическая и социокультурная диагностика современного состояния человеческого существования.

Список литературы

Лакан Ж. 2004. Четыре основные понятия психоанализа. Семинары. Книга XI. Пер. с фр. А. Черноглазова. М., Гнозис, Логос, 304 с.

Малинова О.Ю. 2025. Политическая идеология как предмет политико-психологических исследований: аналитический обзор. *Политическая наука*, 4: 40–64. DOI: 10.31249/poln/2025.04.02

Манхейм К. 1994. Диагноз нашего времени. Пер. с нем. и англ. Я.М. Бергера и др. М., Юрист, 700 с.

Маркс К., Энгельс Ф. 1955. Сочинения. Т. 3. 2-е изд. Пер. с нем. И.И. Прейса и А.А. Уйбо. М., Государственное издательство политической литературы, XIV + 616 с.

Buchanan A., Levinson E. 2024. Theories of Ideology: Origins, Development, and Prospects. *Social Philosophy and Policy*, 41(1): 13–43. DOI: 10.1017/S026505252400030X

Gehlen A. 1988. Man: His Nature and Place in the World. Translated by Clare McMillan and Karl Pillemer. Introduction by Karl-Siegbert Rehberg. New York, Publ. Columbia University Press, XXXVI + 420 p.

Lopes A. 2015. Is There an End of Ideologies? Exploring Constructs of Ideology and Discourse in Marxist and Post-Marxist Theories. Newcastle upon Tyne, Publ. Cambridge Scholars Publishing, XII + 199 p.

Ostrowski M.S. 2022. Ideology. Cambridge, Medford, Publ. Polity Press, IX + 200 p.

Ostrowski M.S. 2023. The ideological morphology of left-centre-right. *Journal of Political Ideologies*, 28(1): 1–15. DOI: 10.1080/13569317.2022.2163770

Ostrowski M.S. 2024. Editorial: ideology and the individual. *Journal of Political Ideologies*, 29(1): 1–25. DOI: 10.1080/13569317.2024.2300213

Ostrowski M.S. 2025. The apotheosis of conceptual morphology. *Journal of Political Ideologies*, 30(1): 1–31. DOI: 10.1080/13569317.2025.2445391

Ricoeur P. 1986. Lectures on Ideology and Utopia. Ed. by George H. Taylor. New York, Publ. Columbia University Press, 353 p.

Reference

Lacan J. 2004. Chetyre osnovnyye ponyatiya psikhoanaliza. Seminary. Kniga XI. [The Four Fundamental Concepts of Psychoanalysis. Seminar XI]. Translated from the French by A. Chernoglazov. Moscow, Publ. Gnozis, Logos, 304 p. (in Russian).

Malinova O.Yu. 2025. Politicheskaya ideologiya kak predmet politiko-psikhologicheskikh issledovaniy: analiticheskiy obzor. [Political ideology as a matter of political psychological research: the analytical review]. *Political Science (RU)*, 4: 40–64 (in Russian). DOI: 10.31249/poln/2025.04.02

Mannheim K. 1994. Diagnoz nashego vremeni. [Diagnosis of Our Time]. Translated from the German and English by Ya.M. Berger et al. Moscow, Publ. Yurist, 700 p. (in Russian).

Marx K., Engels F. 1955. Sochineniya. T. 3. 2-ye izd. [Collected Works. Vol. 3. 2nd ed.]. Translated from the German by I.I. Preis and A.A. Uibo. Moscow, Publ. Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, XIV + 616 p. (in Russian).

Buchanan A., Levinson E. 2024. Theories of Ideology: Origins, Development, and Prospects. *Social Philosophy and Policy*, 41(1): 13–43. DOI: 10.1017/S026505252400030X

Gehlen A. 1988. Man: His Nature and Place in the World. Translated by Clare McMillan and Karl Pillemer. Introduction by Karl-Siegbert Rehberg. New York, Publ. Columbia University Press, XXXVI + 420 p.

Lopes A. 2015. Is There an End of Ideologies? Exploring Constructs of Ideology and Discourse in Marxist and Post-Marxist Theories. Newcastle upon Tyne, Publ. Cambridge Scholars Publishing, XII + 199 p.

Ostrowski M.S. 2022. Ideology. Cambridge, Medford, Publ. Polity Press, IX + 200 p.
Ostrowski M.S. 2023. The ideological morphology of left–centre–right. *Journal of Political Ideologies*, 28(1): 1–15. DOI: 10.1080/13569317.2022.2163770
Ostrowski M.S. 2024. Editorial: ideology and the individual. *Journal of Political Ideologies*, 29(1): 1–25. DOI: 10.1080/13569317.2024.2300213
Ostrowski M.S. 2025. The apotheosis of conceptual morphology. *Journal of Political Ideologies*, 30(1): 1–31. DOI: 10.1080/13569317.2025.2445391
Ricoeur P. 1986. Lectures on Ideology and Utopia. Ed. by George H. Taylor. New York, Publ. Columbia University Press, 353 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 26.01.2026
Поступила после рецензирования 26.04.2026
Принята к публикации 30.05.2026

Received January 26, 2026
Revised April 26, 2026
Accepted May 30, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Трунов Анатолий Анатольевич, кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин, Белгородский университет кооперации, экономики и права, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anatoly A. Trunov, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Humanities and Social Disciplines, Belgorod University of Cooperation, Economics and Law, Belgorod, Russia.